

[От лица Адама]

Моя жизнь в качестве раба, тратящего свои жизненные силы на постройку райской башни, продолжалась. Дни сменялись другими, а легче мне не становилось. Меня постоянно били, и не имело значения, хорошо я выполнил свою работу или плохо.

Всё дело было в превосходстве и власти, которые они чувствовали над нами. Это доставляло им удовольствие.

Над рабами издевались всевозможными способами, от пыток до голода и изнасилований. Мне повезло, что я не пощекотал шаловливые мысли какого-нибудь охранника, будь то мужчина или женщина, но не всем повезло, как мне.

Они не подходили творчески к выбору пыток, но изо дня в день они варьировались от изнурения до жестокой порки, они даже сбрасывали нас с высоких мест, только ради того, чтобы посмотреть, как мы это переживём и встанем ли мы после такого.

Я не сомневался, что наблюдать за нашими страданиями было их любимым занятием.

При малейшей попытке сопротивления сила пыток выходила на новый уровень, становясь хуже, намного, намного хуже. Я испытал это на себе, когда в гневе набросился на одного охранника.

Следующие два месяца нормально ходить я не мог.

Но как бы они ни пытались сломить меня, как бы ни старались, я уже давно всё решил — я никогда не паду пред ликом этих жалких существ, что могли издеваться только над слабыми и беззащитными.

Когда меня не били ради развлечения, я работал физически, много работал. Это было тяжело, даже для взрослых, что говорить о таких детях, как я. Моё маленькое тельце едва выдерживало те вещи, которые они хотели, чтобы я носил, однако я выбивался из сил.

Я не хотел давать им повод наслаждаться моими мучениями.

В большинстве дней нормальной еды мне не давали, только воду, да какую-то каменную кашу.

Тут и без лишних слов было понятно, что каша — дерьмо. После каждого глотка рвотный рефлекс желал сработать, но через силу я прерывал его и продолжал есть — мой желудок требовал еды.

Если день складывался хорошо, мне отправляли в камеру, где моё тело не получало шрамов от

новых побоев, и где я мог поговорить с Робом. Это помогало, когда было с кем поговорить, я мог заглушить некоторые мысли, о которых даже думать не желал.

Это не были плохие мысли, точнее, не совсем они. Но то, что они означали... пугало меня. Я хотел засвидетельствовать долгую и мучительную смерть каждого ублюдка в этом месте, который заставил меня страдать.

Я был не против их убить, но мысль, что это мне понравится... она пугала меня. Я чувствовал, что я схожу с ума, что со мной что-то не так.

Я хотел ненавидеть их, не наслаждаясь ненавистью. Это было сложно объяснить.

— Малыш, у тебя всё хорошо? — спросил Роб, старик утешительно улыбнулся мне.

— Как всегда, а ты как? — спросил я, глядя на сырой потолок нашей клетки.

— Хорошо, — улыбнулся Роб, доставая из-под одежды засохший ломтик хлеба. — Я припрятал его для тебя.

Я посмотрел на него, а потом на хлеб. Всё моё тело кричало о том, чтобы я вырвал хлеб из его рук, пока он не передумал, но я не мог позволить себе это сделать.

— Роб, тебе он нужен больше, чем мне. Ты почти не ешь, отдаёшь все свои пайки другим, — ответил я со вздохом. — Я ценю то, что ты для нас делаешь, но... ты должен позаботиться и о себе. Ты хоть представляешь, как придётся другим, если ты умрёшь?

Роб вздохнул и улыбнулся: — Ты слишком добр и слишком думаешь о других, забыв о себе, малыш, ты знаешь это?

Я пожал плечами, решив не отвечать.

— Не волнуйся за меня, в ближайшие несколько лет я не умру. Эти старые кости ещё крепки, я продержусь ещё минимум несколько лет.

Я вздохнула, покачав головой: — Ты слишком оптимистичный в ситуации, в которой мы находимся. Я завидую тебе. Честно.

— Возьми хлеб, пожалуйста, — улыбнулся Роб, протягивая руку чуть ближе.

Я боролся со своими собственными инстинктами очень долго, так долго, как только мог. Однако... инстинкты всё же перебороли меня и заставили меня взять у него еду и запихнуть в

свой рот.

Мне было трудно жевать, хлеб был чёрствый и твёрдый, и на вкус он был ужасен. Но это все равно было лучшее, что я ел за долгое время, для меня вкус был словно райское наслаждение.

— Спасибо, — пробормотал я, вытирая слезы.

Однажды, однажды я вырвусь из этого ада. Если мне улыбнётся удача, я заберу старика с собой, обещаю.

— Раб 127. — Это был я.

Я поднял голову и увидел, что охранник-культист отпирает клетку.

Я ничего не сказал, лишь бросил взгляд на Роба, прежде чем послушно встать и пойти к выходу.

— За мной, — прошипел охранник, его голос сквозил отвращением.

Сдерживая свои эмоции, я сделал то, что он сказал, и вышел из камеры. Позади меня Роб ободряюще улыбнулся и тихо проговорил: — Удачи, малыш.

Я кивнул, прежде чем выйти, мои ноги дрожали, как и тело.

Я последовал за охранников на верхние этажи башни, где меня ждал человек, которого я уже видел. Брэйн.

— Оставь нас, — приказал Брэйн, как только охранник опустил меня в кабинете.

Охранник не стал протестовать и сразу же ушёл, закрыв за собой дверь. Я сглотнул, глядя на Брэйна.

Это было плохо. Если Брэйн вызвал меня сюда, это могло означать лишь одного, и только одно, он интересовался мной так же, как интересовался бы Джераром.

— Я всё ещё вижу желание борьбы в твоих глазах, — выплюнул фразу в меня сторону Брэйн. — На колени, если желаешь сохранить его.

Я знал, что лучше ему не перечить, поэтому я сделал то, что мне сказали, — встал на колени.

Брейн сел на золотой стул и посмотрел на меня с садистской улыбкой: — Ты особенный маленький раб, ты знаешь это?

Я молчал, мои пальцы впивались в землю.

— Но перед этим, я хочу обсудить с тобой твоё жильё, — сказал Брейн, словно всё его нутро насмехалось надо мной. — Тебе понравилось тут жить?

— Да, — ответил я полностью нейтральным голосом.

— Да? — спросил он, на этот раз его голос сочился удовольствием.

Мои кулаки сжались.

— Так и думал. Ты, наверное, задаёшься вопросом, зачем всё это, зачем я привёл тебя и остальных сюда. Что ж, я отвечу. Я привёл всех вас сюда, потому что вижу в вас нечто интересное, нечто ценное, не огранённый бриллиант.

Он наклонился вперёд, глядя на меня.

— Ты хоть представляешь, насколько ты силён? — прошептал Брейн, на его лице появилась садистская улыбка, его жёлтые зубы показались за ней. — Ну, вот, это всё, что я хотел знать.

Отлично, он чувствует мой магический потенциал, который до сих пор был чертовски бесполезен.

— Вы собираетесь меня убить? — спросил я, не поднимая головы.

Брейн усмехнулся: — Убить? Ты вообще меня слушаешь? Зачем мне убивать такой великолепный талант? Нет, нет и ещё раз нет.

Я напрягся.

— Я хочу видеть, что заставляет тебя тикать. Хочу, чтобы ты показал мне, на что способен, — сказал Брейн с отвратительной улыбкой, которая хорошо сочеталась с его ненормальным тоном.

— Что потом? — спросил я ни капли не сдерживаясь. На данный момент я уже смирился с тем, что будет дальше, я знал только одно: если я выживу, то убью их всех.

Брейн встал со стула и подошёл к окну, глядя вниз на работающих рабов.

— Я заберу тебя из этого грязного местечка и дам тебе новое место для работы, — ответил Брэйи, всё ещё глядя в окно. — Твои скрытые способности пропадут впустую, трудись ты простым рабом.

— И какого твоя цель? — спросил я, глядя на него. — Чтобы я служил тебе?

Брейи повернулся ко мне, на его лице была садистская улыбка. — Да, как быстро ты соображаешь. Хорошо, я предпочитаю умных слуг. Ну, что скажешь, мальчишка?

— А что, если я откажусь? — спросила я, мой голос стал холодным.

Брейи подошёл ко мне, его рука коснулась моего лица: — Ты не можешь отказаться.

Я не ответил, но не сводил с него глаз.

— Я вижу всё в твоих глазах, малыш, я вижу всю твою ненависть, твой гнев, но... я также вижу твоё желание выжить, ты хочешь жить, — прошептал Брейи мне в лицо. — Так будь хорошим мальчиком, делай то, что тебе говорят, и ты будешь жить.

Я вырву твою глотку. Клянусь, однажды я это сделаю.

— Хорошо, — ответил я, мой голос был немного грубее, чем обычно.

Улыбка Брейи стала шире. — Хорошо, я знал, что ты поймёшь.

Я всё сильнее сжимал кулаки, до такой степени, что у меня начала идти кровь.

— Я скоро принесу твою новую одежду, а пока прими ванну, от тебя воняет, — засмеялся Брейи, отдёргивая руку. — И мой тебе совет: не испытывай меня, если ты думаешь, что боль, которую ты почувствовал за время пребывания в моём раю, сильная, то скоро ты узнаешь, что это не так.